

УДК 81'373.49

Л. А. Тюкина

<https://orcid.org/0000-0002-5676-2325>

**Двуплановость текста анекдота
(на материале русско-, немецко- и англоязычного бытового анекдота)**

Для цитирования: Тюкина Л. А. Двуплановость текста анекдота (на материале русско-, немецко- и англоязычного бытового анекдота) // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 116–124. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-116-124

Цель исследования – выявление общих черт и различий в структурных характеристиках малого фольклорного жанра «анекдот» с использованием животных в тексте анекдота в русской, немецкой и английской лингвокультурах на основе теории В. Раскина об амбивалентности сценариев. В статье исследуются анекдоты, представляющие собой юмористический диалогический дискурс. Дается определение дискурса и юмористического диалогического дискурса, раскрываются его характерные черты. Затрагиваются вопросы композиционно-структурных особенностей анекдота. Выявляется процесс создания комического эффекта в анекдоте. Методом сплошной выборки собрана база анекдотов на трех языках исследуемых лингвокультур, которые представляют собой диалог. Для данного исследования отобраны только анекдоты, содержащие в себе диалоги «животное – человек» или «животное – животное». Рассматривается текст анекдота с точки зрения его структурно-композиционных особенностей. Автор проводит анализ анекдотов с точки зрения переплетения двух и более сценариев. Лингвистическое исследование проводится прежде всего на корпусе анекдотов, представленных в письменной форме. В центре исследования находится кульминационный момент анекдота – пуанта. Для подтверждения теории бинарных сценариев из корпуса анекдотов выбраны только те, которые относятся к анекдотам о животных и с животными, поскольку участие в диалоге животных указывает на нереальность происходящего как один из сценариев. Выявлено, что центральные скриптовые оппозиции, составляющие кульминационную строку, более специфичны и располагаются на совершенно простых и не столь важных элементах. Научная новизна заключается в обобщении и систематизации основных проявлений закона амбивалентности сценариев в анекдоте трех лингвокультур.

Ключевые слова: юмористический диалогический дискурс, бытовой анекдот, структурно-композиционные особенности, амбивалентность, пуанта, интродукция, оппозиция скриптов.

L. A. Tyukina

Twofold character of a joke (on russian, german, and english jokes)

The aim of the study is to identify common features or differences in the structural characteristics of a small folklore genre of «joke» using animals in the text of the joke in the russian, german and english linguocultures based on V. Raskin's theory on the ambivalence of the scenarios. The article studies the jokes which represent a humorous dialogic discourse. The author defines discourse and humorous dialogic discourse, reveals its characteristic features, touches upon the compositional and structural characteristics of a joke and describes the process of creating a comic effect in a joke. Only jokes containing «animal-to-man» or «animal-to-animal» dialogues have been selected for this study. Jokes representing dialogues in three languages are collected by the continuous sampling method. The text of a joke is considered in terms of its structural and compositional features. The author analyzes the jokes in terms of two or more scenarios intertwining. Linguistic research is conducted primarily on written jokes. At the center of the study is the culmination of the joke, a pointe. To confirm the theory of binary scenarios only jokes related to animals have been selected, since the animal participation in the dialogue indicates the unreality of what is happening as one of the scenarios. It was found that the central scripting oppositions that make up the culmination line are more specific and simply placed on completely unimportant elements. The scientific novelty of the article is presented in summarizing and systematizing the main manifestations of the ambivalence law of scenarios in a joke.

Key words: humorous dialogical discourse; everyday joke; structural and compositional features, ambivalence, pointe, introduction, opposition of scripts.

Введение

Анекдоты представляют собой универсальный объект лингвистического исследования. Достаточно давно проводятся различные исследования и ведутся дискуссии о том, что на самом деле характеризует анекдот как жанр, и что в целом характеризует юмористический дискурс. В отечественной лингвистике этим вопросом активно занимаются такие известные ученые, как Е. Я. Шмелева и А. Д. Шмелев, В. В. Химик, В. И. Карасик, Н. Д. Миловская и др., в зарубежной лингвистике эту тему исследуют Бернгард Марфурт (Bernhard Marfurt), Хельга Коттхоф (Helga Kotthoff), Виктор Раскин (Victor Raskin) и др. Тема анекдота, шутки интересует исследователей достаточно давно, например, сюда же можно отнести и Фрейда (1905/1972), который занимался изучением психодинамики шутки, прежде всего грязных шуток или анекдотов, приписывая юмору и смеху общую разгрузочную функцию [Freud, 1985].

В лингвистической литературе об анекдотах основная дискуссия велась по поводу их семантической структуры текста (Хоккет 1977, Марфурт 1977, Раскин 1985, Аттардо 1993, Рух/Аттардо/Раскин 1993). В исследованиях юмористического дискурса «всегда фигурирует, в той или иной языковой форме, понятие сценария и двойственности/амбивалентности. Данные понятия используются как средства представления сценариев в неожиданном ракурсе и создания условий для неоднозначной, двусмысленной трактовки одного и того же контекста, что, в конечном итоге ведет к созданию комического эффекта» [Наговицына, 2015, с. 99]. В центре этих исследований анекдота, представленного в письменной форме, находилась конструкция пуанты (Pointe). Лингвистическое исследование анекдота во многом основано на анализе текста анекдота, переданного в письменной форме [Kotthoff, 1995]. Для анализа анекдота многие зарубежные исследователи, в частности, Хельга Коттхоф, опираются на «семантическую теорию на основе сценария», разработанную Раскиным [Raskin, 1985, с. 81].

Методы исследования

В настоящей работе предпринимается попытка выявить универсальные и национально-специфические особенности анекдотов трех линг-

вокультур (русской, немецкой и английской), передаваемых как устно, так и письменно, с точки зрения пересечения сценариев, поскольку именно этот аспект представляется недостаточно изученным. Для проведения анализа собран корпус анекдотов на русском, немецком и английском языках, при этом фокус сделан только на анекдотах в форме диалога. Таким образом, в работе анализу подверглись анекдоты, представляющие собой **юмористический диалогический дискурс**. Для проведения данного исследования методом сплошной выборки было отобрано 150 анекдотов (по 50 анекдотов на русском, английском и немецком языках). Исследованию подверглись анекдоты из российских, немецких и британских Интернет-ресурсов. Следует подчеркнуть, что для данной статьи были отобраны только анекдоты, содержащие в себе диалоги в паре «животное – животное» или «животное – человек». Не принимались во внимание анекдоты в форме монолога, а также анекдоты, в которых не два, а три и более участника. Следует отметить, что все виды анекдотов встречаются довольно часто, и по завершении отбора исследуемого материала автор пришел к выводу о том, что в процентном соотношении количество анекдотов, представленных в форме монолога, диалога и полилога, приблизительно равно. Цель такого отбора состоит в получении достоверных результатов в исследовании и выявлении общих и отличительных характеристик композиционной структуры анекдота в русской, немецкой и английской лингвокультурах.

Прежде чем перейти к анализу самих текстов русско-, немецко- и англоязычных анекдотов, считаем целесообразным уточнить, что в настоящей работе понимается под юмористическим диалогическим дискурсом. **Юмористический дискурс**, по мнению В. И. Карасика, представляет собой «текст, погруженный в ситуацию смехового общения». Ситуация смехового общения с точки зрения коммуникации, по В. И. Карасику, характеризуется такими признаками, как намерение участников избежать серьезного разговора, придать общению юмористическую тональность, наличие сложившихся моделей смехового поведения, принятого в данной лингвокультуре [Карасик, 2002, с. 252]. Поскольку анекдот чаще всего представляет собой процесс живого речевого общения, то в нем «наблюдаются всевозможные от-

клонения от стандартной и общепринятой устной и письменной речи» [Мельникова, 2019, с. 99].

Такие же характерные признаки находим и в работах отечественного лингвиста В. Д. Девкина, где, помимо того, отмечается, что эффект комического достигается двумя способами, то есть существует комизм слова и комизм ситуаций [Девкин, 1998, с. 6].

Анекдот представляет собой связный фольклорный текст – речевое (монологическое или диалогическое) произведение, относящееся к жанру коротких рассказов с неожиданной остроумной заключительной частью и характеризующееся такими признаками, как *краткость, цельность, ситуативность, легкая воспроизводимость и воспринимаемость, юмористический или шуточный эффект (воздействие)*. Все перечисленные характеристики анекдота как связного текста, погруженного в ситуацию общения, позволяют отнести его к **юмористическому дискурсу**. «Понятие диалога (дискурса), как правило, подразумевает наличие двух сторон, даже если каждая из них представлена более чем одним говорящим» [Бабаян, 2010, с. 90]. Следует отметить, что авторы рассматривают *бытовой* анекдот в трех исследуемых лингвокультурах. Термин «бытовой анекдот» был введен исследователем Н. Д. Миловской [Миловская, 2009, с. 82].

Текст анекдота, представленного в форме диалогического дискурса, с точки зрения структурно-композиционных особенностей представляется как набор фразовых рядов со своей тематикой и информационным посылом, построение же этих рядов зависит от прагматической установки самого рассказчика. Рассказчик может реализовать целевую установку, подобрав соответствующие тематические ряды. Текст анекдота имеет структурно-композиционную организацию и предопределяется специфическими условиями передачи и восприятия: установкой на аудиторию. Кроме этого, текст анекдота с точки зрения структурной организации подчинен его прагматике – рассказчику необходимо воздействовать на слушателя, выполняя при этом функции разрядки обстановки или подведения какого-либо итога разговора. Текст анекдота демонстрирует свою цельность, которая прослеживается в единстве коммуникативной задачи рассказывающего: в первую очередь, это единство тематики, поскольку анекдот всегда рассказывается «в тему». В анекдоте можно выявить наличие смысловых блоков, которые характерны для этого вида текстов. В большинстве случаев текст анекдота содержит клишированные фразы начала (вступления) и (иногда)

заключения. С позиции текста анекдот – это единство двух (иногда трех) базовых структурно-композиционных компонентов (тематических рядов): вступления (интродукции), основной части и заключения (остроты, Pointe). Соединение этих структурных компонентов выполняет важную текстообразующую функцию – обеспечение восприятия текста анекдота как единого целого. Отметим, что вступление в текстах анекдота несет в себе большую структурно-композиционную нагрузку. Во вступлении актуализируется тема, определяется проблематика [Тюкина, Бабаян, 2020].

Исследователь лингвистического юмора и основатель теории семантических сценариев В. Раскин считает, что можно предполагать наличие комической коммуникации, если есть два сценария, которые находятся в отношениях оппозиции. «Переход от одного сценария к другому осуществляется с помощью некоего структурного элемента, который может быть эксплицитно выражен в тексте анекдота» [Raskin, 1985]. Важно отметить, что такой смысловой элемент или группа элементов являются структурными компонентами обоих сценариев, находящихся в отношениях оппозиции, то есть находятся на пересечении информационных полей участников коммуникации. Опираясь на теорию юмора В. Раскина, можно сказать, что в представленных анекдотах есть некое «двоичное противопоставление», составляющее кульминацию, потому что в этих анекдотах есть совершенно разные возможности для противопоставления реального и нереального. Согласно В. Раскину, комический эффект проявляется в комбинации двух семантических сценариев при помощи определенного переключателя (*англ. trigger*). Переключатель представляет собой структурный элемент, как правило, эксплицитно выраженный в тексте анекдота или шутки. Переключатель бывает как неоднозначным, основанным на многозначности (лексем, слов, явлений), что приводит к неперебиваемости комического, или контрадикторным, то есть основанным на противоречии одной ситуации другой, что позволяет перевести комическое на другой язык, не теряя при этом юмористического смысла. Сценарий анекдота несет в себе семантическую информацию и, по мнению Раскина, моделирует лингвистическую и экстралингвистическую компетенцию человека. «Соположение сценариев вызывает в сознании человека **одну из оппозиций**: реальное / нереальное, истинное /

ложное, возможное/невозможное, нормальное/ненормальное и т. д., которые касаются важных категорий человеческого существования» [Матвеева, 2015]. Теория В. Раскина оказывается при ближайшем рассмотрении произвольной конструкцией, которая в общих чертах правильна, но оставляет без ответа вопрос, какое из множества двоичных оппозиций в анекдоте подходит для запуска пусковой строки. Если бы существовал клишированный набор таких скриптов, которые переходили бы от анекдота к анекдоту, то слушатели анекдотов легко могли бы построить «кульминационный момент».

Совместимость двух сценариев наблюдаем в работе Х. Коттхоф на примере простого немецкоязычного анекдота:

- «*Ist der Doktor zu Hause?*» *fragt der Patient mit flüsternder Erkältungsstimme.*

- «*Nein*», *haucht die junge, hübsche Frau zurück, «kommen Sie doch schnell herein»* [Kotthoff, 1995, s. 29]. //

«Доктор дома?» – простуженно *шепчет пациент.*

«Нет», – *вздыхает молодая, красивая женщина в ответ, – «быстро заходите»* (перевод здесь и далее наш. – Л. Т.).

Как видим, анализируемый текст анекдота совмещает в себе два сценария: первый – сценарий «визит пациента к врачу» и второй – сценарий соблазнения. Такой атрибут одного из участников диалога, как «шепот» вводит возможность подключения двоичного сценария. В тексте анекдота отмечается, что женщина молодая и красивая – *haucht die junge, hübsche Frau zurück*, – и это, очевидно, не имеет никакого отношения к докторскому сценарию. Как видим, анализируемый анекдот содержит очень много дополнительной информации. Слушатели этого диалогического речевого произведения понимают, что к «визиту к доктору» этот анекдот уже не имеет отношения, и поэтому переключаются на другой сценарий, то есть ищут смысл в другом сценарии, сценарии соблазнения. Два сценария перекрываются [Kotthoff, 1995, s. 29].

Можно утверждать, что причина смешного кроется не только в построении кульминационной линии, так называемой «Pointe», но и в соответствующем стилистическом оформлении шуточных персонажей, их жизненных миров и диалогов. Например,

(1) (рус.) «Маленький верблюжонок подходит к маме:

– Мама, зачем нам нужны такие **страшные большие перепончатые ноги?**

– Ну как же, мы ведь живем в пустыне, ходим по пескам, на таких ногах гораздо удобнее ходить по пескам.

– Мама, а зачем нам **эти уродливые два горба на спине?**

– Дитяtko, мы ведь – корабли пустыни, мы можем долго, долго ходить по пескам без воды, она у нас хранится в горбах на спине. Это наши запасы, которые спасают нас от смерти в пустыне.

– Мама, а зачем нам все это в зоопарке?» [https://myanekdot.ru/anekdoty-pro-zhivotnyh-samye-smeshnye].

Как видим, в приведенном русскоязычном анекдоте переплетаются различные дуализмы сценария. Анекдот начинается с дуализма реальных не говорящих верблюдов и тех, кто говорит в мире юмора. Верблюжонок также задает вопросы, которые в вымышленном мире шуток кажутся такими же абсурдными, как и в реальном мире. Однако отметим, что кульминационная линия строится на неожиданном противопоставлении вопроса верблюжонок рассказу его мамы о том, зачем верблюду горбы и перепончатые ноги. Опираясь на теорию В. Раскина, можем сказать, что «двоичную оппозицию», составляющую кульминацию, в первую очередь можно определить по началу вопроса «а зачем...?».

В анализируемом тексте анекдота, представляющем диалог двух верблюдов, есть совершенно разные возможности для противостояния реального / нереального. Как уже упоминалось, оппозиция центрального сценария основывается на неожиданном элементе. До последней фразы анекдота-диалога – *Мама, а зачем нам все это в зоопарке?* – слушатель не понимает, что не так: верблюду действительно нужны эти перепончатые лапы и «два уродливых», по словам верблюжонок, горба, чтобы выживать в пустыне, но, в то же время без них можно прекрасно обойтись в условиях зоопарка. Можно предположить, что именно неожиданность оппозиции семантических сценариев и порождает комическое. Аналогичный анекдот мы находим и в подборке немецких анекдотов:

(2) (нем.) Ein Kamelkind fragt seinen Papa: «Wieso haben Kamele zwei Höcker auf dem Rücken?» Der Papa antwortet: «In den Höckern speichern wir Wasser und Nahrung, für unsere Zeit in der Sahara». Kamelkind: «Mh, und warum sind meine Wim-

pern so lang?» Kamelvater: «Die schützen deine Augen vor dem Sand, wenn wir in der Sahara unterwegs sind» Kamelkind: «Verstehe, aber warum leben wir im Zoo?» [<https://witze.woxikon.de/tierwitze>]

Эту же теорию двоичной оппозиции можно подтвердить и другим анекдотом:

(3) (рус.) «Разговаривают две охотничьи собаки:

- Вчера идем с хозяином по лесу, вдруг из кустов выскакивает медведь! А хозяин, блин, склеротик, патроны дома забыл. Ну, я как брошусь на него, как заору!

- Какая ты смелая! Бросилась на зверя!

- Да на какого зверя?! На хозяина бросилась, обняла его лапами и кричу: «Бежим, придурок!» [<https://bipbar.ru/anekdoty/anekdoty-pro-zhivotnyh.html>].

В исследуемом русскоязычном анекдоте, как видим, также наблюдаются два сценария: нереальность происходящего – две собаки общаются между собой и неожиданная кульминация их диалога: собака не защищает хозяина, она уговаривает его бежать («Бежим, придурок!»). Ожидаемый, конвенциональный сценарий развития диалога в данном анекдоте подразумевает обмен репликами-высказываниями восхищения смелостью собаки и ответную гордость второго пса, сформированные коммуникативной целью: обмен мнениями. Однако информация в последней ответной реплике «ломает» исходный ожидаемый сценарий, создавая условие комической амбивалентности. Комическая амбивалентность создается за счет оппозиции устойчивого сценария (собака – защитник человека, тем более охотничья собака) и текущего ситуативного сценария («Бежим, придурок!»).

Далее считаем целесообразным рассмотреть похожие диалогические ситуации в немецкой и английской лингвокультурах. Продолжая тему нереальности происходящего, проанализируем анекдоты, основанные так же на диалогах животных в этих двух лингвокультурах.

(4) (нем.) *Ein Wolfshund und ein Ameisenbär begegnen sich. Fragt der Ameisenbär: «Was bist du denn für ein Tier?» – «Ich bin ein Wolfshund. Mein Vater ist ein Wolf und meine Mutter ist ein Hund. Und du?» – «Ich bin ein Ameisenbär.» – «Ach komm, das glaubst du doch selbst nicht!»* [<http://witze.net/tier-witze>] // Волкодав и муравьед встречаются. Муравьед спрашивает: «Что ты за животное?» – «Я волкодав. Мой отец – волк, а мать – собака. А ты?» – «Я муравьед». – «Да ладно, ты сам не веришь в это!»

В представленном немецкоязычном анекдоте юмор основан на игре слов *Wolfshund* = *Wolf* + *Hund* (волк + собака = волкодав или волкособ), при этом *Ameisenbär* = *Ameise* + *Bär* (муравей + медведь = муравьед). В данном примере для усиления комического смысла анекдота используется гипербола. Гипербола – стилистическое средство, на основе количества или качества превышающее некоторое значение явления или сущности. Лингвистический контраст здесь обыгрывается через размер, то есть через использование двух фреймов «муравей» / «медведь», поскольку данные значения находятся в отношениях противопоставления (*маленький* / *большой*). Перекрытие двух сценариев происходит не только по причине нереальности происходящего, но и по причине несогласованности в голове волкодава, который видит перед собой достаточного небольшого зверька муравьеда, но при этом не понимает, что должно произойти с крошечным муравьем и огромным медведем, чтобы получился такой зверь. Как отмечает исследовательница юмора Х. Коттхофф, анекдот может иметь успех лишь в том случае, когда шутка, содержащаяся в нем, базируется на общих знаниях (*нем. geteiltes Wissen*) коммуникантов [Kotthoff, 1995]. Поэтому данный анекдот (4), переведенный на русский язык, теряет всякий смысл, поскольку в русском языке значение этого зверька вполне понятно и объяснимо: «поедающий муравьев». Отметим, что анализируемый анекдот относится к категории *языковых* анекдотов, основанных на игре слов и не подлежащих переводу, поскольку при переводе исчезает «соль» анекдота. «Языковые анекдоты, являющиеся порождением индивидуального или «народного» речетворчества, опираются на лингвокреативный тип мышления их создателей, когда языковой потенциал используется для творческого отступления от стандарта, интересны для изучения и будут понятны читателям или слушателям в том случае, если последние, как и творцы языковой игры, будут обладать лингвокреативным мышлением» [Сосой, 2018, с. 155].

(5) (нем.) *Eine Giraffe und ein Häschen unterhalten sich. Sagt die Giraffe: «Häschen, wenn du wüsstest, wie schön das ist, einen langen Hals zu haben. Das ist sooo toll! Jedes leckere Blatt, das ich esse wandert langsam meinen langen Hals hinunter und ich genieße diese Köstlichkeit soo lange.» – Das Häschen guckt die Giraffe ausdruckslos an. – «Und erst im Sommer, Häschen, ich sag dir, das kühle Wasser ist so köstlich erfrischend, wenn es langsam meinen langen Hals hinuntergleitet. Das ist soooo schön, einfach toll einen so langen Hals zu haben. Häschen,*

kannst du dir das vorstellen!?» – Häschen ohne Reaktionen: «Schon mal gekotzt?» [http://witze.net/tierwitze]// Разговаривают жираф и заяц. Жираф говорит: «Заяц, если бы ты только знал, как приятно иметь длинную шею. Это так здорово! Каждый вкусный лист, который я ем, медленно движется вниз по моему длинному горлу, и я наслаждаюсь этим деликатесом так долго». – Заяц смотрит на жирафа без какого-либо выражения. – «А летом, заяц, прохладная вода так вкусно освежает, медленно скользя по длинному горлу. Это так классно, просто здорово иметь такую длинную шею. Заяц, можешь себе представить?» – Заяц без эмоций: «Тебя когда-нибудь рвало?»

В приведенном примере немецкоязычного анекдота продолжается всё та же нереальность ситуации, но при этом возникает абсолютно неожиданная кульминация. Вся речь жирафа завораживает своим рассказом о том, как же здорово иметь длинную шею, и, предполагая, что заяц вроде бы должен провести какие-то сравнения с тем, как плохо зайцам живется с заячьей шеей, слушатель вдруг получает весьма ощутимый негативный ответ зайца: «*Schon mal gekotzt?» – «Тебя когда-нибудь рвало?»*. Комизм данной ситуации создается благодаря эффекту обманутого ожидания.

Следующий англоязычный анекдот представляет собой интерес тем, что в нем перекрываются не два, а три сценария:

(6) (англ.) *A snake goes in to see the optometrist because his eyesight is failing. «It's actually affecting my life. I can't hunt anymore because I can't see.» The doctor fits the snake for glasses and the snake immediately notices an improvement in his eyesight. A week later, the doctor calls the snake to check how the glasses are holding up. «They're fine,» the snake answers. «But now I'm being treated for depression.» «Depression?» the doctor asks. «Yeah, my eyesight cleared up, but it made me realize I've been dating a garden hose.» [Donohue, 2014, p. 154]// Змея заходит к офтальмологу, потому что у нее портится зрение. «Это на самом деле негативно влияет на мою жизнь. Я больше не могу охотиться, потому что не вижу». Доктор подбирает змее очки, и змея сразу замечает улучшение зрения. Неделию спустя доктор звонит змее, чтобы проверить, как держатся очки. «Они в порядке», – отвечает змея. «Но сейчас меня лечат от депрессии». «Депрессия?» – спрашивает доктор. «Да, мое зрение стало лучше, но это заставило меня понять, что я встречаюсь с садовым шлангом».*

Проанализируем наличие трех сценариев: 1) Змея приходит к доктору – *A snake goes in to see the optometrist because his eyesight is failing*. Из курса биологии мы знаем, что змеи не отличаются хорошим зрением, они видят всё через некую дымку или пленку. 2) Доктор подбирает змее очки: *The doctor fits the snake for glasses* – данное занятие абсурдно по своей сути, но при этом есть вид змей «очковая змея», возможно автор анекдота хотел выразить комический эффект и через этот факт; и 3) змея начинает анализировать свою жизнь (вначале это звучит так: *It's actually affecting my life. I can't hunt anymore because I can't see*), а при повторном посещении доктора анализ жизненной ситуации змеи служит кульминацией данного анекдота: *Yeah, my eyesight cleared up, but it made me realize I've been dating a garden hose*.

Иногда «адекватная интерпретация высказывания, выступающего в дискурсе, требует знания предшествующего контекста» [Бабаян, 2017, с. 79], что мы видим в следующем англоязычном анекдоте:

(7) *A grasshopper walks into a crowded bar. He sits down on a stool and orders a glass of beer. The bartender says, «That's funny. I figured you'd order something different, especially since we've got a drink named after you.» The grasshopper looks at the bartender baffled and says, «You've got a drink named Stan?» [Donohue, 2014, p. 161]// Кузнечик заходит в переполненный бар. Он садится на табурет и заказывает бокал пива. Бармен говорит: «Забавно. Я думал, что ты закажешь что-нибудь другое, тем более, у нас есть напиток, названный в твою честь». Кузнечик озадаченно смотрит на бармена и говорит: «У тебя есть напиток по имени Стэн?»*

В данном анекдоте (7) также перекрываются два сценария: первый – нереальность ситуации, кузнечик заходит в бар и заказывает пиво; второй сценарий – бармен вступает в диалог с кузнечиком. Бармен не удивлен появлению кузнечика, вполне возможно потому, что бармен обязан быть вежливым и дружелюбным в общении со всеми клиентами, будь то человек или кузнечик. И его не удивляет, что кузнечик заказывает пиво, его удивляет другое: *Я думал, что ты закажешь что-нибудь другое, тем более, у нас есть напиток, названный в твою честь*. При этом в анекдоте упоминается, что кузнечик озадачен ответом бармена. Кроме того, в данном анекдоте наблюдаем и игру слов. Дело в том, что *grasshopper* – это не только «кузнечик» в английском языке, но и «алкогольный коктейль,

смешиваемый из сливок, мятного и шоколадного ликера в равных количествах. Обладает сладким мятным вкусом, подают в качестве дижестива. Своё название коктейль получил из-за своего зелёного цвета, который ему придаёт один из ингредиентов – мятный ликёр. Коктейль входит в число официальных коктейлей Международной ассоциации барменов (IBA), категория «Современная классика» (англ. *Contemporary classics*)» [<https://therumdiary.ru/koktejli/klassika-mba/koktejl-kuznechik-grasshopper.html>]. Этот коктейль оказался настолько популярным, что появились разного рода шутки, отличающиеся в разных языках только именем кузнечика: иногда его называют Карл, Стив или другим именем, в зависимости от географического места, где его рассказывают.

Действующие лица в приведенных выше анекдотах изображаются через различные вербальные и просодические средства прямого воспроизведения речи и через детали жизненного мира. Для исследования такого типа анекдотов следует учесть более тесную связь между семантическим и интерактивным анализом. В представленных выше анекдотах, действительно, переплетаются различные дуализмы сценария. Комичность текста анекдота начинается с дуализма реальных не говорящих зверей и тех, кто говорит в мире юмора. Вся выборка анекдотов для данного исследования подтверждает теорию В. Раскина, по крайней мере, в одной из оппозиций – реальное / нереальное. В работе предпринимается попытка выявить общее и различия в текстах анекдота трех лингвокультур. Если опираться на более раннее исследование о наличии интродуктивной строки [Тюкина, Бабаян, 2020], то можем прийти к следующему выводу: в анекдотах, где встроены диалоги по типу «человек – животное» или «животное – животное» обязательно присутствует интродукция, в противном случае (если интродуктивная строка будет отсутствовать) такого рода анекдот не «встроить» плавно и уместно в речь партнеров по коммуникации. Невозможно вырвать диалог «человек – животное» или «животное – животное» из контекста анекдота, не нарушив закона амбивалентности. Такой диалог сразу теряет всякий смысл, и искажается когнитивное восприятие шутки.

Результаты исследования

Таким образом, можем заключить, что анекдот, представляющий собой юмористический

диалогический дискурс в русской, немецкой и английской лингвокультурах обладает рядом универсальных структурно-композиционных особенностей, в них могут переплетаться два и более сценария. Текст, являясь главной единицей общения, обладает способностью отражать реальность, а именно, определенную ситуацию. Особенностью семантики анекдота является то, что в ней сказывается, по крайней мере, два обстоятельства. В конвенциональном общении адекватное восприятие речи обеспечивается тем, что коммуниканты настроены на стереотипные наборы скриптов, благодаря чему потенциально амбивалентные высказывания воспринимаются как однозначные. Отступление от этих конвенций приводит к коммуникативным «неудачам», что касается и анекдота. Закон амбивалентности предписывает различение комического сообщения. Комическая тональность предполагает создание амбивалентного текста с задуманными иллюкутивной задачей и перлюкутивным эффектом. В иллюкутивной части анекдот предстает перед нами как новая информация, а в перлюкутивной функции он выделяется как средство воздействия.

Еще раз обратившись к теории В. Раскина, можно с уверенностью утверждать, что в представленных анекдотах есть «двоичное противопоставление», составляющее кульминацию, потому что в этих анекдотах есть совершенно разные возможности для противопоставления реального и нереального. Вообще, очевидно, что в обычной беседе нет необходимости комментировать анекдот, объяснять, почему он смешон, в повседневной жизни редко кто обращается к интерпретации анекдота, иначе теряется вся его «соль». Однако с точки зрения лингвистики – это довольно интересная и полезная процедура, поскольку каждый анекдот таит в себе пласт скрытой, имплицитной информации. И для филолога представляет интерес не только сама эта информация, но и те способы и приемы, при помощи которых она «упаковывается» говорящим и распознается, дешифруется слушающим. В когнитивной лингвистике обстоятельства реальности, лежащие в базе текста анекдота или шутки, описываются при помощи скриптов, под которыми понимаются ментальные образования, соответствующие человеческим представлениям о том или другом положении вещей. Речевое произведение, представленное в виде юмористического диалогического дискурса, можно считать анекдотом, если текст полностью или частично совместим с двумя различными перекрывающимися сценариями или два сценария, с которыми текст совместим, находятся в фунда-

ментальном противоречии друг к другу.

Выводы

Анализ анекдотов трех лингвокультур показал, что в плане пересечения скриптов они идентичны, во всех анекдотах исследуемых лингвокультур наблюдается пересечение как минимум двух скриптов (в данной статье это анекдоты 1, 2, 3, 4, 5, 7), что и способствует созданию юмористического эффекта. В нашей выборке материалов таковыми оказались англо-, немецко- и русскоязычные анекдоты, при этом в 150 текстах анекдотов в 149 наблюдается пересечение двух скриптов. Однако крайне редко находим и пересечение трех скриптов (анекдот 6). В корпусе анекдотов из трех лингвокультур только один анекдот оказался таковым. Однако отметим, что различия между анекдотами исследуемых лингвокультур выявлены в языковом отношении. В исследуемых лингвокультурах различны языковые средства и приемы создания юмористического эффекта: в английских анекдотах – это видоизменение и деформация явлений (поразительное сходство между будничными ситуациями и нелепостью); в немецких анекдотах – несоразмерность в отношениях и связях между явлениями; в русскоязычных анекдотах – ошибки в умозаключениях и неверные ассоциации, отсутствие логической связи между предложениями и частями предложений, неожиданные вставки и повороты темы, парадоксальные высказывания и т. д. [Дземидок, 1974].

Проанализировав корпус анекдотов о животных, наблюдаем различия в национальной специфике представления анекдотов: достаточно эмоциональные русские высказывания верблужонка (1) – **страшные большие перепончатые ноги; эти уродливые два горба**. При этом заметим, что в немецкоязычном варианте того же анекдота (2) такая экспрессивность высказывания отсутствует, в данном немецком анекдоте вообще не используются определения. В русскоязычных анекдотах почти везде присутствует избыточная экспрессивность речи: *На хозяйина бросилась, обняла его лапами и кричу: «Бежим, придурок!»* (3). Тот же эффект можем наблюдать во всей подборке русскоязычных анекдотов, отобранных для анализа. Немецкоязычные и англоязычные анекдоты гораздо сдержаннее в языковом и эмоциональном выражении, что хорошо иллюстрирует анекдот (5): *Häschen ohne Regungen: «Schon mal gekotzt?» – Заяц без эмоций: «Тебя когда-нибудь рвало?»*. Вопрос задан практически в официально-деловом стиле. В

англоязычных анекдотах также прослеживается сдержанность в речи, комический эффект здесь достигается пониманием тонкости английского юмора: *Кузнечик озадаченно смотрит на бармена... (7)*.

Таким образом, исследовав анекдоты трех – английской, немецкой и русской – лингвокультур, приходим к выводу о том, что универсальными для всех исследуемых анекдотов являются аспекты наличия скриптов, а национально-специфическими являются языковые средства создания юмористического эффекта.

Библиографический список

1. Бабаян В. Н. Молчащий наблюдатель в диалогическом пространстве терциарной речи // Иностранные языки в высшей школе. 2010. № 4 (15). С. 90–98.
2. Бабаян В. Н. Различные подходы к определению понятия «дискурс» и его основные характеристики // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль, 2017. № 1. С. 76–81.
3. Девкин В. Д. Занимательная лексикология: Worthumog = Язык и юмор: пособие для развлекательного чтения и лингвистического анализа. Москва: ВЛАДОС, 1998. 311 с.
4. Дземидок Б. О комическом. Москва: Прогресс, 1974. 224 с.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
6. Матвеева Г. Г., Голосова Н. В. Лингвокогнитивный подход к категории комического // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. Ростов-на-Дону: ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», 2015. № 5 (43). С. 180–183.
7. Мельникова К. А. Дискурс с точки зрения корпусной лингвистики // Лингводидактика в неязыковом вузе: традиционные и инновационные подходы: сб. научных статей по материалам Международной научно-практической конференции, г. Ярославль, 17–18 мая 2019 г. Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2019. С. 94–99.
8. Миловская Н. Д. К проблеме вариативности языкового бытового анекдота // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Иваново, 2009. №3 (2). С. 82–91.
9. Наговицына И. А. Информационное преимущество как фактор восприятия комического в кинотексте и передача юмора в ситуативной модели перевода // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2015. Вып. 1. С. 99–113.
10. Сосой О. А. Средства языковой объективации комического эффекта в немецких анекдотах // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль, 2018. №4 (15). С. 150–156.
11. Тюкина Л. А., Бабаян В. Н. Структурно-композиционный анализ бытового анекдота на немецком, английском и русском языках как объекта юмористического диалогического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 286–292.

12. Bipbar.ru. URL: <https://bipbar.ru/anekdoty/anekdoty-pro-zhivotnyh.html> (дата обращения: 14.10.2020).
13. Donohue W. The Best Joke Book (Period): Hundreds of the Funniest, Silliest, Most Ridiculous Jokes Ever. Kindle Edition, Published October 3rd 2014 by Adams Media. November 1, 2014. 210 p.
14. Freud S. Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten. Frankfurt, 1985. 156 S.
15. Kotthoff H. Erzählstile von mündlichen Witzen: zur Erzielung von Komikeffekten durch Dialoginszenierungen und die Stilisierung sozialer Typen im Witz, 1995. 29 S.
16. Myanekdot.ru. URL: <https://myanekdot.ru/anekdoty-pro-zhivotnyh-samyeshnye> (дата обращения: 14.10.2020).
17. Raskin, V. Semantic Mechanisms of Humour. Dordrecht, 1985. 284 p.
18. Therumdiary.ru. URL: <https://therumdiary.ru/koktejli/klassika-mba/koktejl-kuznechik-grasshopper.html> (дата обращения: 31.10.2020).
19. Witze.net. URL: <http://witze.net/tier-witze> (дата обращения: 24.10.2020).
20. Witze.woxikon.de. URL: <https://witze.woxikon.de/tierwitze> (дата обращения: 14.02.2021).
- vacionnye podhody: sb. nauchnyh statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, g. Jaroslavl', 17–18 maja 2019 g. Jaroslavl' : Izd-vo JaGTU, 2019. S. 94–99.
8. Milovskaja N. D. K probleme variativnosti jazykovogo bytovogo anekdota = On the variability of the common linguistic joke // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. Ivanovo, 2009. №3 (2). S. 82–91.
9. Nagovicyna I. A. Informacionnoe preimushhestvo kak faktor vosprijatija komicheskogo v kinotekste i peredacha jumora v situativnoj modeli perevoda = Informative advantage as a factor of understanding the comic in cinema text and conveying humor in the situational translation model // Vestnik SPbGU. Ser. 9. 2015. Vyp. 1. S. 99–113.
10. Sosoj O. A. Sredstva jazykovoj ob#ektivacii komicheskogo jeffekta v nemeckih anekdotah = Linguistic objectification of the comic effect in German jokes // Verhnevolskij filologicheskij vestnik. Jaroslavl', 2018. №4 (15). S. 150–156.
11. Tjukina L. A., Babajan V. N. Strukturno-kompozicionnyj analiz bytovogo anekdota na nemeckom, anglijskom i ruskom jazykah kak ob#ekta jumoristicheskogo dialogicheskogo diskursa = Structural and compositional analysis of the common joke in German, English and Russian as an object of humorous dialogue discourse // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota, 2020. Tom 13. Vypusk 9. S. 286–292.

Reference list

1. Babajan V. N. Molchashnij nabljudatel' v dialogicheskom prostranstve terciarnoj rechi = The silent observer in the dialogue space of tertiary speech // Inostrannye jazyki v vysshej shkole. 2010. № 4 (15). S. 90–98.
2. Babajan V. N. Razlichnye podhody k opredeleniju ponjatija «diskurs» i ego osnovnye harakteristiki = Different approaches to defining the concept of «discourse» and its main characteristics // Verhnevolskij filologicheskij vestnik. Jaroslavl', 2017. № 1. S. 76–81.
3. Devkin V. D. Zanimatel'naja leksikologija: Worthumor = Jazyk i jumor: posobie dlja razvlekatel'nogo chtenija i lingvisticheskogo analiza = Entertaining lexicology: Worthumor = Language and humor: a handbook for fun reading and linguistic analysis. Moskva : VLADOS, 1998. 311 s.
4. Dzmidok B. O komicheskom = On the comic. Moskva : Progress, 1974. 224 s.
5. Karasik V. I. Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs = Linguistic circle: personality, concepts, discourse. Volgograd : Peremena, 2002. 477 s.
6. Matveeva G. G., Golosova N. V. Lingvokognitivnyj podhod k kategorii komicheskogo = Linguocognitive approach to the category of the comic // Obrazovanie. Nauka. Innovacii: Juzhnoe izmerenie. Rostov-na-Donu : FGAOU VO «Juzhnyj federal'nyj universitet», 2015. № 5 (43). S. 180–183.
7. Mel'nikova K. A. Diskurs s točki zrenija korpusnoj lingvistiki = Discourse in terms of corpus linguistics // Lingvodidaktika v nejazykovom vuze: tradicionnye i innovacionnye podhody: sb. nauchnyh statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, g. Jaroslavl', 17–18 maja 2019 g. Jaroslavl' : Izd-vo JaGTU, 2019. S. 94–99.
8. Milovskaja N. D. K probleme variativnosti jazykovogo bytovogo anekdota = On the variability of the common linguistic joke // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. Ivanovo, 2009. №3 (2). S. 82–91.
9. Nagovicyna I. A. Informacionnoe preimushhestvo kak faktor vosprijatija komicheskogo v kinotekste i peredacha jumora v situativnoj modeli perevoda = Informative advantage as a factor of understanding the comic in cinema text and conveying humor in the situational translation model // Vestnik SPbGU. Ser. 9. 2015. Vyp. 1. S. 99–113.
10. Sosoj O. A. Sredstva jazykovoj ob#ektivacii komicheskogo jeffekta v nemeckih anekdotah = Linguistic objectification of the comic effect in German jokes // Verhnevolskij filologicheskij vestnik. Jaroslavl', 2018. №4 (15). S. 150–156.
11. Tjukina L. A., Babajan V. N. Strukturno-kompozicionnyj analiz bytovogo anekdota na nemeckom, anglijskom i ruskom jazykah kak ob#ekta jumoristicheskogo dialogicheskogo diskursa = Structural and compositional analysis of the common joke in German, English and Russian as an object of humorous dialogue discourse // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota, 2020. Tom 13. Vypusk 9. S. 286–292.
12. Bipbar.ru. URL: <https://bipbar.ru/anekdoty/anekdoty-pro-zhivotnyh.html> (дата обращения: 14.10.2020).
13. Donohue W. The Best Joke Book (Period): Hundreds of the Funniest, Silliest, Most Ridiculous Jokes Ever. Kindle Edition, Published October 3rd 2014 by Adams Media. November 1, 2014. 210 p.
14. Freud S. Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten. Frankfurt, 1985. 156 S.
15. Kotthoff H. Erzählstile von mündlichen Witzen: zur Erzielung von Komikeffekten durch Dialoginszenierungen und die Stilisierung sozialer Typen im Witz, 1995. 29 S.
16. Myanekdot.ru. URL: <https://myanekdot.ru/anekdoty-pro-zhivotnyh-samyeshnye> (дата обращения: 14.10.2020).
17. Raskin, V. Semantic Mechanisms of Humour. Dordrecht, 1985. 284 p.
18. Therumdiary.ru. URL: <https://therumdiary.ru/koktejli/klassika-mba/koktejl-kuznechik-grasshopper.html> (дата обращения: 31.10.2020).
19. Witze.net. URL: <http://witze.net/tier-witze> (дата обращения: 24.10.2020).
20. Witze.woxikon.de. URL: <https://witze.woxikon.de/tierwitze> (дата обращения: 14.02.2021).